

ЮБИЛЕЙНУЮ статью писать радостно и грустно. Радостно, потому что любой день рождения — праздник и для самого именинника, и для его друзей. Грустно — потому, что пятьдесят лет — это все-таки пятьдесят...

Хотя для Николая Засухина пятьдесят лет — понятие чисто условное, абстрактное что ли, существующие независимо от него. Ибо он, Николай Засухин, народный артист республики, много лет играющий первые роли в Куйбышевском драматическом театре имени А. М. Горького, известный на всю страну своим Ричардом III, снявшийся в нескольких фильмах и не раз обласканный критикой в многих газетах и журналах, — еще необычно молод, молод душой, молод сердцем, молод своим восприятием жизни.

Мы познакомились с ним в году, кажется, пятьдесят пятом — пятьдесят шестом. Среднее, ныне ведущее поколение наших актеров, было тогда совсем молодым. И Засухин играл в молодежных спектаклях: Гошу в «Чудесном сплаве», Бориса Прищепина в «Когда цветет акация». Играл молодо, озорно, задорно, с песнями и танцами, со смешными трюками и чуть ли не с эксцентрикой. Тогда я впервые написала о нем свою первую заметку «Сенегалец Али — солдат революции», о роли, которую он играл в спектакле «Интервенция». Помню уже тогда появились у молодого артиста черты, характерные ныне для Засухина, — внимание к внутренней правде характера, органичность, естественность, эмоциональность.

Еще раньше, когда я была школьницей, студенткой, когда еще не знала театра и не была знакома с Засухиным, я видела его Володю Ульянова в спектакле «Семья». И еще — в совсем крошечном эпизоде в «Оводе», где играл он конвойного солдата, который в сцене расстрела Ривареса отбрасывал винтовку и, обхватив руками рывожатую, по-мальчишески ушастую голову, стонал в ужасе: «Не могу! Не могу!». И хотя был в центре спектакля мой любимый артист В. Бурз и убивали в той сцене моего любимого героя Овода, все же запомнился мне тогда и тот молодой, перепуганный солдатик...

Мои воспоминания не идут дальше пятидесяти годов, а вот Мария Васильевна Засухина, мать Николая Николаевича, может припомнить многое. Мы сидим с ней в тихой, пустой квартире. Вечерами в актерских домах часто бывает пусто. За окнами густеют голубые весенние сумерки, и Мария Васильевна вспоминает не спеша.

О том, как в селе Ширяево работал в конце двадцати годов самодеятельный коллектив. Как впервые вышел тогда на сцену вместе с отцом и матерью трехлетний Коля. Играли сценку о становлении колхозов. Маленький Засухин вбежал в правление колхоза и кричал: «Тягачка, пойдем, тебя клечат. Там трактора привезли...»

О том, как уже школьником, в Чапаевске, увлекался Николай цирком. И о том, как провозжала его, восемнадцатилетнего, на войну — сначала в летное училище, потом на Северный фронт, где воевал Николай в авиационном батальоне. И о том, как в сорок пятом выходила она на станцию Чапаевск встречать воинские эшелоны, и все ждала, ждала сына...

И еще сказала Мария Васильевна, что не верится ей самой, что сыну исполняется пятьдесят. А если не верится матери, самому близкому человеку, не верится друзьям, не верится, пожалуй, и зрителям, то, вероятно, в этом и со-

стоит тайна актера Засухина. Тайна его молодой, по-юношески отзывчивой и тонкой души... Ричарда III он сыграл 197 раз. Десять лет живет на сцене этот спектакль — случай крайне редкий для периферийных театров. О Ричарде Засухина писали много, даже очень много. И все-таки сказать есть что, не повторяясь. Я была свидетелем постоянной, в течение всех десяти лет, работы артиста над этой ролью, которая и в первые годы поражала своим совершенством и могуществом. За прошедшее время многое изменилось в жизни, изменился сам актер, изменилось его отношение к образу Ричарда. А потому изменился и Ричард. В актерской палитре Засухина появились новые свежие краски, а в характере персонажа — новые, более тонкие грани.

Если поначалу Ричард Засухина в самом начале спектакля уже был мрачным, угрюмым, злым, и внешнее уродство и черный костюм сразу наводили на мысль о черной бездне его души, то теперь в первых картинах его герой более лицедей, психолог, актер, умеющий скрыть душу и коварные свои планы под маской искренности, раскаяния и даже некоторого

▲ ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

МОЛОЖЕ МОЛОДЫХ...

обаяния. Его уродство стало, если можно так выразиться, более пластичным, а в сцене с леди Анной у гроба убитого Эдварда в нем появляется даже нечто вроде изящества. И лишь ироническая усмешка на тонких губах, мгновенный холодный взгляд, брошенный в сторону, да устало вытертый рукавом лоб после ухода леди Анны скажут о приторстве и лицемерии.

От картины к картине, шаг за шагом ведет нас артист по мрачным лабиринтам Ричардовой души, открывая ее потайные двери и зарешеченные, опрятанные от посторонних глаз оконца. Все больше в палитре образа иронических, а порой и сатирических красок. Теперь Ричард не просто наглет, он еще и смеется, издевается над покорностью и глупостью окружающих его людей, наслаждается тем, что так ловко дурчит их.

Можно бесчисленное количество раз смотреть и не переставать восхищаться игрой артиста в сцене после коронации, когда Ричард остается наедине с добытым троном, наедине с осуществленной мечтой. Ни слова не произносит Засухин-Ричард в этой почти пятиминутной сцене — безмолвном внутреннем монологе. Но сколько самых разнообразных чувств можно прочесть на его лице, в каждом жесте и взгляде. Радость и удовлетворенное самлюбие, почти детский восторг и тревога оттого, что «трон его на хрупком хрустале». Он бросается к трону бегом, как мальчишка, садится — как-то неловко, боком, потом вскакивает и отбегает в сторону. Острая тревога за будущее пронзает его. И он уже снова возвращается к самому себе, к своему привычному состоянию. Нужно идти дальше «в кровь», оберегать трон, убирать с дороги тех, кто «опасливо на него глядит»...

Режиссер этого фильма Савва Кулиш сказал о Засухине в одном своем интервью с московским журналистом: «Я считаю его крупным артистом, но больше всего меня привлекло в Засухине то, что он как бы выражает типичные черты советского человека своего поколения».

Такая оценка творчества Засухина — кажется мне очень точной, отражающей его суть, его силу, как современного актера. ...Князь Мышкин в спектакле «Настасья Филипповна» по роману Достоевского «Идиот» — последняя крупная работа артиста в нашем театре.

Достоевского трудно разбирать, еще труднее играть, настолько непохожи его герои на обычных рядовых людей, настолько выпирают, выламываются они из серого обывательского мира дореволюционной России, настолько ярки их чувства, доведенные до крайней степени накала.

Мышкин Засухина с первых же картин излучает из себя какой-то необычный свет. Свет своей души, болезненно и чутко отзывающейся на человеческие страдания. Он сидит в поезде, на вагонной лавке, весь скорчившись от лютого холода, говорит голосом тихим, мягким, а в широко раскрытых светлых глазах — странный мир, совсем непохожий на тот, который его окружает...

Потом появляется он в роскошном доме генерала Епанчина — в кургузом пиджачишке и коротковатых брюках, с нелепым узелком в руках. И опять так не вяжется, так не вписывается Мышкин Засухина в уклад генеральского дома, с его светским этикетом, с его несчастьями и страстями.

Мышкин Засухина живет в спектакле своим особым внутренним миром, миром непонятным для окружающих его людей. Его герой талантлив душой, талантлив сердцем.

Такая трактовка под силу таланту глубокому, зрелому, но и молодому. Молодому — по дерзкому размаху, смелости поанса.

М. ТУМАНОВСКАЯ.

□

На снимке: Николай Засухин в роли князя Мышкина («Настасья Филипповна»).

Фото З. Брайнина.